

Глава 18. Десять пальцев сплетены

Кто-то схватил его.

Их пальцы сплелись.

Костяшки давили на костяшки, линии ладоней сливались, кончики пальцев обжигали тыльную сторону ладони, а жар ладони заставлял закипать застывшую кровь... В полузабытьи Цю Бодэн чувствовал, как его крепко обнимают, с силой прижимают к себе. Прохладный, свежий аромат лекарств окутывал его со всех сторон, словно сеть, готовая поймать его, с какой бы высоты он ни падал.

...Кто это?

Он хотел разглядеть лицо этого человека, увидеть, как выглядит тот, кто так отчаянно его обнимает, но перед глазами стояла непроглядная тьма, а веки были тяжелы, как свинец.

Во мраке всё расплывалось, осталась лишь рука, сжимавшая его ладонь, — непоколебимая, как гора, и на ней что-то такое же холодное.

Да.

Он помнил, что это был...

— Куй...

— Марионетка? Где марионетка?

Цзо Юэшэн, дремавший за столом, подскочил в панике.

— Что? Эта нечисть всё ещё здесь?

— Браслет с драконом Куй.

— А-а, не марионетка... — Цзо Юэшэн, всё ещё не придя в себя, выдохнул. После того как весь город оказался под контролем марионеточников, он стал пуглив, как заяц, и шарахался от одного лишь слова «марионетка». — Напугал до смерти!

Сказав это, он потянулся за вином, чтобы успокоить нервы, но, вытянув руку, понял что-то неладное и резко обернулся к кровати.

— Эй, Цю, ты очнулся? Ты ещё не умер!

— Я не умер, и ты, похоже, очень разочарован, да?

Цю Бодэн, пошатываясь, приподнялся, зажал нос и нахмурился.

— Хочешь меня убить ради наживы? Выбрось все эти винные кувшины!

— Эй, эй, эй, — Цзо Юэшэн недоверчиво выпучил глаза, изображая глубокую душевную рану.

— Молодой господин Цю, так вы обращаетесь с теми, кто усердно дежурил у вашей постели?

— Я ещё не умер, какого чёрта ты тут дежуришь!

Виски Цю Бодэна запульсировали.

Комната, в которой он очнулся, была ему смутно знакома — это была комната для омовений в доме Лю.

Вот только сейчас она была насквозь пропитана винным духом, кувшины валялись повсюду. На столе громоздились пустые тарелки из-под фруктов и закусок. Лу Цзин, переодетый в лунно-белый халат, спал, прислонившись к ножке стола, и даже во сне не выпустил из рук чашу с вином... Если бы Цю Бодэн не был так слаб после пробуждения, он бы непременно показал этим двум идиотам, что такое «Четыре отсутствия форм».

Четыре отсутствия форм — значит, умереть без формы!

— Что! Кто умер?

Лу Цзин, словно восставший из мёртвых, резко выпрямился и, забыв, где находится, с грохотом ударился головой о стол.

— Ай! Кто ударил меня по голове!

— ...

Цю Бодэн откинулся на изголовье кровати, размышляя, зачем вообще нужен этот мир, полный идиотов.

— Никто не умер! Это наш молодой господин Цю, бессмертная напасть! — ответил Цзо Юэшэн.

— Не умер? Так что же, мы зря гроб покупали? — Лу Цзин, потирая голову, пошатываясь, встал. Придя в себя и увидев холодный взгляд Цю Бодэна, он оглядел царивший в комнате беспорядок и тут же фальшиво простонал: — Ох, толстяк! Ты пока тут приберись, а я пойду за вещами!

— Эй!

Цзо Юэшэн, на удивление, не успел сбежать первым. Обернувшись и встретившись с недобрим взглядом Цю Бодэна, он смирился со своей участью и принялся за уборку, попутно распахивая окна и с грохотом выбрасывая кувшины на улицу.

Цю Бодэн с трудом подавил в себе жажду убийства.

Успокоившись, он коснулся левого запястья — оно было пустым, и это было непривычно. Перед тем как потерять сознание, он, кажется, корчился от невыносимой боли из-за кармической отдачи и уже был готов покончить с собой мечом, но его остановили. Кто-то схватил его за запястье, и он... погрузился в сон.

И боль ушла.

Он не разглядел, кто это был.

— Как я здесь оказался? — спросил Цю Бодэн.

— Как ты здесь оказался? — услышав этот вопрос, Цзо Юэшэн тут же забыл о своей вине. — В тот день мы хотели пойти посмотреть, не погиб ли ты геройской смертью. Если да, то нужно было поскорее, пока не остыл, устроить тебе пышные похороны. Но когда мы добрались до Третьей Восточной улицы, то увидели, что старый прохвост-оракул был аккуратно разрублен пополам, а от тебя, паршивца, ни следа, ни тела, ни даже косточки. Чёрт возьми, ты знаешь, сколько мы по всему городу в развалинах копались?!

— Сколько?

— Целый день и целую ночь! — Цзо Юэшэн гневно вытянул свою широкую, пухлую руку. — Смотри, смотри! Кожа в кровь содрана.

— М-м, — протянул Цю Бодэн. — И где же вы меня в итоге откопали? Неужели кто-то решил, что я уже умер, и похоронил меня заживо?

— О, я бы сжёг благовония в честь этого героя, — процедил сквозь зубы Цзо Юэшэн. — Мы уже чуть было не купили тебе гроб и не устроили похороны с пустым саваном. Но и одежды твоей мы не нашли, поэтому решили обойтись твоим одеялом. И каково же было наше удивление, когда, вернувшись сюда, мы обнаружили, что ты спишь в своей кровати слаще всех на свете!!!

— Кто меня сюда принёс? — настаивал Цю Бодэн.

— Ты меня спрашиваешь? Я сам у тебя хочу спросить! — Цзо Юэшэн закатил глаза, а затем кивнул. — Человека мы не видели, но он оставил тебе плащ. Ты что, до сих пор не заметил?

Цю Бодэн опустил взгляд и увидел, что на одеяле действительно лежит плащ.

Чёрный, с едва заметным тёмным узором.

Цзо Юэшэн, помахав рукой, чтобы проветрить комнату, подошёл, увидев, что Цю Бодэн разглядывает одежду:

— Я-то думал, ты шутишь, а оказалось, правда.

— О чём ты?

Цю Бодэн, размышляя о том, что рукава человека, схватившего его за запястье, кажется, тоже были чёрными, потянул плащ на себя. Как и ожидалось, он уловил лёгкий, холодный аромат лекарств.

— Ну, что с твоей внешностью у тебя должно быть с десятков могущественных покровителей, тайно тебя оберегающих, — Цзо Юэшэн с подозрением посмотрел на него. — Цю Бодэн, молодой господин Цю, мы теперь с тобой друзья не на жизнь, а на смерть. Притворяться дурачком уже нехорошо.

Цю Бодэн, потянув плащ, едва не выронил его и в изумлении поднял глаза:

— погоди, кто это с тобой друзья не на жизнь, а на смерть? Когда это было?

В прошлой жизни семья Цю была могущественной и влиятельной. И хотя у молодого господина Цю был, как всем известно, отвратительный характер, желающих с ним подружиться всё равно было хоть отбавляй.

Критериев для выбора друзей у него было немного, всего два:

Во-первых, внешность должна быть на уровне. Хотя бы на одну десятую от его собственной, иначе это оскорбит его взор.

Во-вторых, кандидат должен владеть восемнадцатью видами боевых искусств, знать астрономию и географию.

Что касается первого пункта, Цю Бодэн считал, что из всего мирового запаса красоты девять десятых и девять сотых принадлежат ему, а остальной мир делит между собой жалкую одну сотую. Иными словами, во всём мире не найдётся никого, кто был бы достоин его и на одну десятую — оставим пока в стороне, насколько это суждение было продиктовано самолюбием молодого господина Цю. Что же до второго, то люди, владеющие восемнадцатью видами боевых искусств, сведущие в астрономии и географии, конечно, существовали, но все они были опорой нации, элитой своих кланов и не имели ничего общего с таким повесой и прожигателем жизни, как Цю Бодэн.

Из-за этих двух условий во всём мире не было никого, кто был бы достоин дружбы Цю Бодэна.

И вот на тебе, проснулся, а кто-то уже перескочил стадию «друга» и стал его «другом не на жизнь, а на смерть»?!

Проблема в том, что... этот самопровозглашённый «друг» не соответствовал ни одному из двух золотых правил Цю Бодэна.

— Конечно же...

Цзо Юэшэн кашлянул, собираясь произнести высокопарную речь, но его прервал пронзительный голос Лу Цзина, разнёсшийся по всему двору.

— Принёс! Принёс!

Лу Цзин, держа в руках глиняный горшок с лекарством, вбежал в комнату мелкими шажками.

Бам.

Горшок был торжественно поставлен на стол. Лу Цзин, набрав в грудь воздуха, с важным видом снял крышку:

— Тайный рецепт Долины Медицины, воскрешающий мёртвых, возвращающий духовную сущность и успокаивающий душу! Я потратил на него целую ночь, использовал лучшие травы во всём городе Фу, чтобы сварить это лекарство. Молодой господин Цю, прошу!

Цю Бодэн с удивлением обнаружил, что эта чаша с лекарством внушает ему большее чувство опасности, чем Великая формация восьми циклов покорения чистоты.

Одиннадцатый господин, исцеляющий взмахом руки, действительно был достоин своей славы.

Цзо Юэшэн подмигнул Лу Цзину. Тот тут же подбежал к двери и не только запер её изнутри, но и подпёр ступом, чтобы никто не смог ворваться. Цзо Юэшэн достал нефритовую чашу и

налил в неё до краёв булькающую и пузырящуюся субстанцию, которую с натяжкой можно было назвать «лекарством».

— Стеклянная, с резными краями, зелёная, — Цзо Юэшэн специально уточнил. — Ты сам такую заказывал, верно?

— Какая забота, — похвалил его Цю Бодэн.

— Ну тогда всё верно, — Цзо Юэшэн заботливо протянул ему чашу. — Вот, Лу проявил участие, пей, пока горячее.

— ...Цзо Полумесяц, маленький Цзин, если хотите изгнать демонов, можете сказать прямо, — Цю Бодэн уставился на не то чёрную, не то красную жижу. — Не нужно прибегать к таким сложным методам.

— Какой ещё маленький Цзин? — Лу Цзин сначала опешил, а потом в ярости вскричал: — Какое изгнание демонов, это тайный рецепт Долины Медицины, он может облегчить кармическую...

— Кха-кха-кха! — Цзо Юэшэн закашлялся, будто у него туберкулёз.

Лу Цзин умолк.

Цзо Юэшэн достал нефритовую табличку, влил в неё духовную силу, и все посторонние звуки снаружи тут же исчезли. Комната оказалась полностью изолированной от внешнего мира.

Цю Бодэн задумчиво взглянул на табличку и накинул на плечи чёрный плащ.

— Ну вот, — сказал Цзо Юэшэн. — Теперь можно и спросить.

— Откуда у тебя эта кармическая ноша? — подхватил Лу Цзин, заодно подчеркнув: — А моё лекарство — это действительно тайный рецепт Долины Медицины для облегчения кармической отдачи!

— Ах, это... — медленно начал Цю Бодэн.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин затаили дыхание.

— А почему я должен вам говорить?

Цю Бодэн ослепительно улыбнулся, но тут же его лицо стало холодным, а чисто-чёрные глаза

ледяным взглядом уставились на них.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин не видели его в бою со старым городским оракулом и не были свидетелями его страданий от кармической ноши. Для них «кармическая ноша Цю» была лишь пустыми словами, не имеющими конкретного образа. Но в этот миг, когда лицо Цю Бодэна было наполовину в тени, его кожа казалась мертвенно-белой, губы — кроваво-красными, а взгляд — ледяным, он походил на вращающийся в темноте меч, по лезвию которого стекает кровь. От него исходило опасное, гнетущее давление.

— А вы мне кто? — мягко спросил Цю Бодэн.

Выражения на лицах Цзо Юэшэна и Лу Цзина застыли.

...Словно их неожиданно ударили кулаком в лицо.

— Всё, этот мерзавец хочет нас убить, чтобы замести следы, — Цзо Юэшэн выдавил из себя улыбку и ткнул локтем Лу Цзина. — У этого парня действительно нет совести.

— Ты, ты, ты... мы боялись, что кто-то тебя обнаружит, и несколько дней сами у твоей двери дежурили! — тонкая душевная организация одиннадцатого господина Лу вдруг с треском разлетелась на куски.

Выражения на их лицах были слишком уродливы.

Настолько уродливы, что на них было больно смотреть.

— Я не знаю, — решил пощадить свои глаза Цю Бодэн и откинулся на изголовье кровати. — Просто в один прекрасный день она появилась.

— ...Не хочешь говорить — не надо, — грубо бросил Лу Цзин и, резко встав, направился к выходу. — Мне и неинтересно.

Доброту приняли за зло, и, подавив в себе горькое разочарование от рухнувших надежд на «братство», он не хотел оставаться здесь ни секунды дольше.

Цзо Юэшэн изо всех сил дёрнул его за рукав.

— Эй, толстяк, ты что, хочешь... — сердито начал Лу Цзин, но, обернувшись, замер.

Цю Бодэн, опустив ресницы, молча смотрел на свои руки. Он всё так же сидел в тени, но ощущение от него было совершенно иным. Голос его звучал спокойно, словно он говорил о

ком-то другом, но не о себе:

— Кто знает? Моя жизнь с самого начала была какой-то бессмысленной. Ну, появилась ещё и кармическая ноша, и что с того? Может, я и вправду какое-нибудь вселенское зло, которое рано или поздно изгонят во имя справедливости.

Лу Цзин подумал, что за бред он несёт.

Чья жизнь может быть бессмысленной?

Цзо Юэшэн снова изо всех сил дёрнул его за рукав.

Лу Цзин искоса взглянул на него и увидел, как Цзо Юэшэн, обмакнув палец в вино, начертил на столе несколько размашистых иероглифов:

«У него! Нет! Ни отца! Ни матери!»

Лу Цзин замер.

Раньше он был просто одиннадцатым господином Лу, знатоком увеселительных заведений, и знал, в каком винном павильоне играют самую чистую музыку на цитре, а в каком доме цветов поют самые нежные песни. Всё остальное его мало волновало... Разве что иногда до него доходили слухи о маленьком предке-наставнике школы Тайи — в основном о том, как он умеет создавать проблемы. Он никогда не задумывался о том, что этот человек — сирота.

Он, Цзо Юэшэн и Цю Бодэн в глазах других, возможно, были одного поля ягоды. Но и его, и толстяка Цзо воспитывали родители. Пусть они и считали их разочарованием, пусть и пытались вбить в них хоть что-то, но всегда были те, кто желал им долгой и благополучной жизни. А Цю Бодэн был лишь маленьким предком-наставником школы Тайи. Люди из Тайи столько лет его содержали, но когда он творил безобразия, кто-нибудь пытался его остановить или наставить на путь истинный?

Он о таком не слышал.

В этом мире, кроме родителей, кому есть дело до того, как ты живёшь? Хорошо или плохо, долго или ярко.

Лу Цзин бессознательно коснулся нефритовой подвески на поясе и, пробормотав «толстяк, ты мне на халат наступил», медленно и неловко сел обратно.

— Я думаю, это всё потому, что ты, парень, слишком много гадостей натворил, — серьёзно проанализировал Цзо Юэшэн. — Я в детстве с тобой подрался и до слёз довёл, а ты тут же

настучал моему отцу, чтобы он урезал мне карманные деньги. Это же подло и низко! А тот раз, когда старик внезапно отобрал у меня летающую лодку, это ведь тоже твоих рук дело, да? И когда меня сослали в Туманный город, и тот раз... Чёрт, Цю, ты за все эти годы ни одного доброго дела не сделал! Если не ты будешь в карме по уши, то кто? Это называется небесная справедливость.

— Погоди, — Лу Цзин ухватился за ключевую деталь. — Он плакал?

— Ага, ревел в три ручья, — быстро ответил Цзо Юэшэн.

— Тогда какого чёрта он в тот день велел мне не выть и грозился избить, если я продолжу? — недоверчиво спросил Лу Цзин.

Цю Бодэн: ...

Он понял, что, кажется, совершил ошибку.

— Я могу стать ещё хуже, — пригрозил Цю Бодэн, прерывая перечисление Цзо Юэшэна. — Что сейчас снаружи? Как там древнее дерево фу?

Лу Цзин хотел было ответить, но Цзо Юэшэн снова его дёрнул.

— Лучше сам посмотри, — серьёзно сказал Цзо Юэшэн. — Ты ведь спас это дерево, должен сам убедиться, что с ним всё в порядке, правда?

Лу Цзин сообразил и тут же поддакнул:

— Да, да, должен сам посмотреть.

Цю Бодэн прищурился и некоторое время смотрел на них.

Оба сидели неподвижно, как скалы.

Спустя мгновение Цю Бодэн встал, подошёл к двери, отшвырнул стул и рывком распахнул её. Едва он появился в дверном проёме, как на него, словно перевёрнутая серебряная река, обрушился... целый водопад листьев с дерева фу во дворе.

— ...Что за идиотское дерево?!

Цю Бодэн, отряхиваясь от серебряных листьев, не мог поверить, что он прыгал с летающей лодки и ломал браслет с драконом Куй ради спасения этого.

За его спиной раздался оглушительный хохот. Очевидно, эти двое уже испытали на себе такое «горячее» приветствие и теперь злорадно ждали, когда он попадётся.

Цю Бодэн глубоко вздохнул и резко обернулся.

Восточный двор семьи Лю.

Лоу Цзян спешно писал донесение владыке павильона о событиях в городе Фу.

Последние несколько дней были для него сущим адом.

Во-первых, маленький предок-наставник школы Тайи лежал без сознания, а Цзо Юэшэн и Лу Цзин вызвались о нём заботиться. Честно говоря, именно их «забота» и заставляла Лоу Цзяна больше всего беспокоиться. Во-вторых, город Фу сильно пострадал от недавнего бедствия, многие дома были разрушены, и Павильон Гор и Морей, как покровитель городов области Цин, должен был помочь в восстановлении. Сейчас был месяц миазмов, торговые пути были закрыты, и эта задача легла на плечи Лоу Цзяна, который всё ещё находился в городе.

...Чёрт бы побрал этого молодого господина Цзо Юэшэна! Он, кто по идее должен был заниматься этими делами, целыми днями только и делал, что пил и скандалил с молодым господином Лу из Долины Медицины!

«События в городе Фу завершились, но дело о шёлке душ всё ещё полно загадок. Вызывают сомнение три момента: первое — откуда Гэ Цин узнал метод переплавки божества для создания духа; второе — причастна ли к этому Небесная ремесленная палата; третье — истоки шёлка душ следует искать триста лет назад... И ещё одно: тот, кто убил Гэ Цина, старейшина школы Тайи Цю, неизвестно...»

Пока он писал, из западного двора донеслись крики Цзо Юэшэна и Лу Цзина.

— Молодой господин Цю! Дедушка Цю! Родной дедушка! Опустите меч Тайи! Давайте поговорим!

— Ради нашей дружбы не на жизнь, а на смерть!

— ...

Лоу Цзян с треском сломал тридцать седьмую кисть. Привычно и безэмоционально он взял новую и продолжил писать.

«...По возвращении в павильон прошу перевести меня в Город Бессмертия. Надеюсь на ваше благоволение!»

— Древнее дерево фу, вечна твоя жизнь.

— Древнее дерево фу, вечно твоё благословение.

— Древнее дерево фу...

Цю Бодэн, накинув чёрный плащ и держа в руках кувшин с вином, стоял под карнизом и смотрел, как жители города Фу разбирают завалы. Они убирали обгоревшие балки, сметали разбитую черепицу, заделывали повреждённые места — их движения были отточенными и спокойными.

Словно безразличными.

В «Хрониках Богов» бессмертные и герои описывались как те, кто «с мечом наперевес за тысячу ли улетает, в одну стражу покинув, в другую вернувшись», — образы величественные и вдохновляющие. Но для подавляющего большинства людей, живущих в этом мире, «бессмертные» и «герои» были чем-то иным. Битвы, сотрясающие горы и моря, были уделом великих, а им оставались лишь руины. Они привыкли, что в любой момент может развернуться очередной заговор, и их жизни перестанут им принадлежать.

Как и в этот раз. До того как старый городской оракул начал действовать, разве кто-то из жителей города Фу знал, что их судьба уже не в их руках?

Вчера всё было как обычно, а сегодня — мир перевернулся. Их смерть и жизнь решались без их участия.

Цю Бодэн подумал, что, возможно, долгий сон немного прояснил его разум.

Иначе с чего бы он вообще думал о таком? Когда это он, повеса и прожигатель жизни, начал беспокоиться о судьбах мира?

— Древнее дерево фу-у...

Старик, убрав обломок балки своего дома, увидел под ним сломанную ветвь божественного дерева. Он рухнул на колени, и его хвалебная песнь оборвалась рыданием. Протянув иссохшие руки, он вместе со своим внуком с благоговением, большим, чем если бы они поднимали табличку с именем своего предка, поднял сломанную ветвь.

Маленький внук, лет шести-семи, был в том беззаботном возрасте, когда всё нипочём. Только что он, разбирая завалы своего двора, нашёл обломок доски и с криками «вжик-вжик» размахивал им, как мечом. А теперь крупные слёзы катились из его глаз.

Они падали на сломанную ветвь дерева фу.

Рука Цю Бодэна, покачивавшая кувшин, слегка дрогнула.

Они не были безразличны, не привыкли.

Они просто считали, что разрушенные дома можно отстроить заново, что смерть — это часть жизни, и пока живо божественное дерево фу, всё будет хорошо.

Древнее дерево фу, вечна твоя жизнь.

Древнее дерево фу, вечно твоё благословение.

Древнее.

Этот город...

Город — это дерево, а дерево — это город.

Цю Бодэн продолжил покачивать кувшин с вином.

Он поднял голову. Хотя крона дерева фу всё ещё заслоняла небо, оно уже было видно, а не как по его прибытии, когда свет едва пробивался сквозь густую листву. По словам Цзо Юэшэна, жители города, принёсшие себя в жертву через кровопускание, должны были бы болеть несколько десятков дней, но...

— ...Эх! Ты не вовремя отключился, — Цзо Юэшэн, жестикулируя, описывал. — В ту ночь серебряные листья дерева фу осыпали весь город, словно снег. На кого упадёт — тот тут же становился здоров, как бык.

— Полысело, уродливым стало, — тихо сказал Цю Бодэн божественному дереву.

— Стоило ли оно того?

Дерево фу без ветра шевельнуло оставшимися серебряными листьями.

...Ты спас целый город, но теперь за тобой будут охотиться все бессмертные и герои. Стоило ли оно того? Наверное, нет. В конце концов, что может быть страшнее бессмертных и героев? Разве что несколько «друзей не на жизнь, а на смерть», которые совершенно не соответствуют твоим стандартам.

Стоило ли? Не стоило?

Цю Бодэн, постукивая пальцами по глиняному кувшину, размышлял, не вернуться ли ему домой. Браслет с драконом Куй, расколовшись надвое, улетел куда-то в небо, и чёрт его знает, в каком углу он приземлился. Город Фу огромен, как ему найти иголку в стоге сена? В прошлый раз браслет сам к нему вернулся, может, в этот раз он улетел слишком далеко?

Цю Бодэн, сделав вид, что искал, решил вернуться в поместье Лю и сказать Лоу Цзяну, чтобы тот оповестил всех, кто разбирает завалы, быть повнимательнее.

Может, кто-нибудь найдёт и вернёт.

Он быстро принял решение искать, и так же быстро от него отказался. Не успев пройти и одной улицы, он собрался обратно. Но едва он поднялся, как в небе ударил гром, и тут же хлынул проливной дождь.

— ...

Цю Бодэн стоял под карнизом, глядя, как дождь льётся с серых черепичных крыш ровными потоками. Он размышлял, стоит ли ему бежать под дождём или подождать — вдруг эти два идиота, Цзо Юэшэн и Лу Цзин, сообразят, что надо его найти.

Наверное, не сообразят.

Цю Бодэн со вздохом отчаяния поднял кувшин с вином и собрался прогуляться под дождём.

Проливной дождь окутал всё вокруг, словно небеса помогали жителям города Фу смыть кровь и несчастья последних дней. Под дождём раскрывались зонты из промасленной бумаги, раскачиваясь, двигаясь вперёд и назад.

Один зонт, отделившись от толпы, направился прямо к нему.

Дождевые потоки были рассечены наклонённым зонтом, и человек, державший его, остановился перед Цю Бодэном.

Его правая рука, державшая зонт, была длинной и изящной, с чётко очерченными суставами. Из-под рукава виднелся тёмно-золотой браслет с драконом Куй.

— В следующий раз, если захочешь посмотреть на меня, просто смотри. Я же не говорил, что беру за это деньги.

Цю Бодэн покачивал кувшин с вином. Чёрный плащ был ему великоват и укутывал его с плеч до ног, не оставляя и намёка на алую одежду под ним. Иначе занятые работой жители города Фу наверняка бы заметили маленького бессмертного из школы Тайи, притаившегося в углу длинной улицы.

— Я всегда чувствую, когда на меня смотрят, даже если прячутся очень хорошо.

Проливной дождь отделил этот карниз от остального мира, превратив всё вдаль в размытые, туманные силуэты, словно нарисованные тушью.

— Онемел? — тихо спросил Цю Бодэн. — А Ло? Или тебя на самом деле зовут не так?

— Ши Уло. Так они меня называют, — молодой человек в чёрном сложил зонт. — Но А Ло — это моё имя.

А Ло, или, вернее, Ши Уло, шагнул под тот же серый черепичный карниз. Он был высоким и стройным, гораздо выше Цю Бодэна. Когда он встал рядом, и без того небольшое пространство под карнизом стало совсем тесным.

Наверное, за пределами города Фу, те, кто ненавидел и боялся этого главу Десяти Шаманов, увидев такое, сошли бы с ума. Ши Уло, этот безумец, что в одиночку с мечом врывался в цитадели великих кланов, в одиночку прорубал себе путь наружу, кого не могли остановить ни великие сокровища, ни угрозы, сейчас объяснялся с кем-то.

И не просто объяснялся, а извинялся.

— Я не хотел тебя обманывать.

Ши Уло слегка наклонил голову и спокойно посмотрел в глаза Цю Бодэну.

На самом деле, его настоящий облик был... как бы сказать, совсем не похож на доброго человека. Черты его лица, хоть и были красивы, но линии были слишком холодными и острыми. Одетый в чёрное, с бледной, как у призрака, кожей, он даже с зонтом в руке выглядел так, будто держит меч. Ничего общего с «послушным» и «покорным».

Но этот человек, который, казалось, в любой момент мог выхватить меч и устроить кровавую баню, а затем равнодушно уйти, сейчас очень серьёзно говорил: «Я не обманывал тебя».

Действительно очень серьёзно.

Длинные ресницы опустились, бросая тень на серебристо-серые глаза, губы были плотно сжаты, что выдавало неловкость и неумение выражать свои мысли.

— Я не обману тебя.

Даже утешать не умел, лишь тихо повторял одно и то же.

Кто бы, услышав это, поверил, что это тот самый Ши Уло из легенд?

Цю Бодэн внимательно рассмотрел этого человека, занимавшего первое место в списке Цзо Юэшэна «Враг богов и демонов». Возможно, из-за того, что его глаза были очень светлого, серебристо-серого цвета, казалось, что именно этот холодный, острый облик ему и подходит... Так что, похоже, он действительно не притворялся.

А может, это просто стереотип.

— Подойди ближе, — решил проверить Цю Бодэн.

Ши Уло, не понимая, шагнул к нему.

Пространство под карнизом и так было тесным, а теперь, когда они оказались так близко, последняя щель исчезла. Можно было отчётливо почувствовать тепло и жар чужого тела. Снаружи лил дождь, и это тепло стало ещё более ощутимым. Тело Ши Уло внезапно напряглось.

— Наклонись.

Ши Уло замер надолго и лишь после второй просьбы Цю Бодэна медленно наклонился.

Лёгкое дыхание, словно пёрышко, коснулось его лица. Шум дождя вдруг отдалился, и весь мир исчез.

Цю Бодэн схватил молодого человека за лицо. Кожа его была холодной, больше похожей на ледяную статую, чем на живого человека. Цю Бодэн с силой ущипнул его, а затем потянул щёку в сторону. На самом деле молодой господин Цю понимал, что даже если бы тот и был в маске, таким простым способом её не снять.

Просто он вдруг вспомнил, как этот человек сжал его запястье до красноты.

И решил свести счёты.

Он потянул щёку несколько раз, но, отпустив, увидел, что на коже Ши Уло, которая, должно быть, была невероятно толстой, не осталось ни следа, не говоря уже о покраснении.

— ...

Цю Бодэн, глядя на лицо Ши Уло, несколько секунд молчал, а затем сменил тему.

— Ладно, я как раз думал, помнишь ли ты...

Остаток фразы застрял у него в горле.

Руку, которую он собирался убрать, крепко схватили, и Цю Бодэн оказался полностью в тени, отбрасываемой другим человеком.

<http://bllate.org/book/16967/1584875>